

Книжная полка

А.П. МАРТЫНЕНКО. ПРАВА НАРОДОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Наконец-то! Пусть не в России, но все же на территории бывшего Союза ССР появилось произведение, посвященное этой злободневной, хотя и широко игнорируемой у нас проблеме – проблеме прав народов. Впрочем, не "проблеме". Нет. Какая же это проблема, если права народов в международном праве действительно существуют? Достаточно вспомнить один из основных принципов международного права, закрепленный в Уставе ООН, – принцип равноправия и самоопределения народов.

Кстати, характерна история того, как книга попала ко мне. Занимаясь в последние годы правами народов, я знал, что несколько лет назад на Украине (точнее – в Киеве) в Институте государства и права была защищена кандидатская диссертация по этой теме. Знал также, что работа должна выйти в виде книги. Но распад Союза ССР осложнил, к сожалению, своевременное ознакомление с этим произведением. И лишь случайно попало оно ко мне, когда на юридическом факультете Гарвардского университета (в Кэмбридже) после моей лекции в феврале этого года ко мне подошел невысокого роста молодой человек, заговорил по-русски, представился и подарил свою книгу. Это был Александр Петрович Мартыненко, стажировавшийся в Гарварде, правда ушедший уже из науки в коммерческую структуру. Только в 1993 году, но книга успела все-таки выйти на русском языке. Оговорюсь: на титуле – А.П. Мартыненко, а на выходных данных – О.П. Мартиненко... Все же по-украински...

К счастью, все это на качестве работы не сказалось. То, что пишет автор о становлении прав народов в международном праве, чему посвящено более половины работы, для меня не ново. Должен сказать, что для западных юристов это также не в новинку. Упомяну лишь несколько книг наших западных коллег на сей счет, известных в России: во Франции – E. Jouve. *Le Droit des Peuple*. – Paris, 1986; в США – R. Falk. *Revitalizing International Law*. – Iowa, 1989; в Англии – I. Brownlie. *Treaties and Indigenous Peoples*. – Oxford, 1992; в Австра-

лии – J. Crawford (ed.). *The Rights of Peoples*. – Oxford, 1988; а также М. Bedjaoui (éd. général). *Droit International. Bilan et Perspectives*. – Paris; UNESCO, 1991. Но для наших международников, в том числе для очень многих знакомых мне профессоров, не в обиду им будет сказано, это почти terra incognita.

В этой связи приведу положение автора из введения: "В случае, если непознанная действительность не укладывается в существующие каноны... возникает необходимость кардинальной реформы воззрений и на международную систему, и на международное право, ее обслуживающее, и на выработанный нормативный инструментарий этого права. Качества именно такого рода сегодня все более приобретает проблема прав народов" (с. 3–4). Согласен. Нечто подобное уже высказывал в № 4 за 1992 год (с. 136–137) данного журнала. И общая для подавляющего числа госбюрократических систем наших дней оппозиция в отношении права народов на самоопределение и других их прав лишь подтверждает правоту указанной точки зрения автора (нашего и других).

Еще одно исходное положение доктора Мартыненко, которое я также полностью разделяю и которое тоже высказано во введении: "Содержание прав народов... а главное, потенциал их возможного воздействия на всю систему международного права... вступил в явное противоречие с тем формальным местом, которое им было отведено в международном праве, – как части прав человека" (с. 6). Сегодняшний день, будь это в России, СНГ или в других регионах мира, с его невиданным ранее взрывом проблем меньшинств, народов и иных коллективов, – очевидное доказательство несовместимости господствующего во всем мире политического курса того, что называют государствами (а на деле – госбюрократических структур), с объективным процессом стремления народов к равноправному и свободному развитию. И столь же очевидное доказательство отставания и доктрины, и нормативного содержания международного права, в результате которого и возникло отмеченное автором противоречие. Печально, что это приходится отнести и к России. Особенно потому, что именно здесь более века назад, как нигде в ту пору, разрабатывались и принцип национальности, и право народов на самоопределение (повторю столь симпатичные мне имена В. Даневского, А. Градовского, А. Штиглица, которых не перестаю пропагандировать).

А ведь история становления прав народов, как это убедительно показывает А. Мартыненко, насчитывает почти пять веков (!). В книге не только доказательно, но и подробно рассказывается о нормотворчестве Нидерландской (XVI в.), Английской (XVII в.), Американской и Французской (XVIII в.) революций. Научно объективно автор

оценивает позитивный вклад Октябрьской революции. В частности, он отмечает, что наша революция поставила вопрос "о закреплении права всех народов на существование и сопутствующего ему права народов на свои исторические земли" (с. 48). Она привела "к выработке совершенно нового комплекса прав народов, связанных с обеспечением условий для культурного и рационального развития народов" (с.49), для "сохранения самобытности" (с. 50).

Вместе с тем автор подчеркивает, что, следуя классовым подходам Французской революции (гиперболизированным Парижской коммуной), Октябрьская революция внесла в свою внешнеполитическую практику идеи и политику революционного вмешательства, революционной пропаганды и т.д., что в итоге уложилось "в понятие пролетарского интернационализма" (с. 51). Касаясь этой части книги, хотелось бы обратить внимание на то, что более полувека в СССР это являлось принципом внешней политики. И мы – юристы-международники старшего поколения, прилагавшие немало сил для доказательства правомерности этого принципа, – сегодня как бы забываем не только то, что делали, но – и это главное – не подумываем о том, чтобы провести ревизию, инвентаризацию государственных и наших собственных постулатов того времени. Это надо сделать хотя бы в новых учебниках...

Одна из отличительных черт процесса международно-правового закрепления прав народов во второй половине XX века состоит в том, что он происходит в условиях и вследствие активного, широкого и целенаправленного участия международной юридической общественности. Не случайно, что ни один исследователь прав народов не обходит вниманием такие акты, как, например, Алжирская всеобщая декларация прав народов 1976 года и Делийская декларация человеческих прав индивидов и народов 1988 года. Подробно анализирует их и автор книги. Он пытается классифицировать такие акты и при этом отмечает, что если Алжирская декларация была специально и полностью сконцентрирована, собственно, на правах народа, то Делийская – как бы объединила и права народов, и права индивидов. Соглашаясь с ним, вместе с тем, как соавтор второй декларации, я хотел бы возразить ему, когда он утверждает, что в нашей декларации в центре внимания "в первую очередь – отдельный человек" (с. 105). Мы привезли в Дели проект, аналогичный Алжирской декларации, то есть целиком и полностью о правах народов. Арабские и индийская делегации добавили права индивидов. Но в итоге документ сохранил свою главную направленность – защиту прав народов (см. СГП. – 1988. – № 7. – С. 111–113).

Любой, кто затрагивает, не говоря о тех, кто серьезно изучает, проблемы прав народов, не может обойти один из главных вопросов

темы – вопрос о субъекте этих прав. Точнее – определение того, что же такое “народ”. Обращаясь к этому пункту темы, автор ссылается на попытки целого ряда исследователей и приводит их определения. Число тех, кто занимался этим вопросом, велико, в том числе и среди юристов-международников.

Мартыненко не пытается дать собственное определение. Он соглашается с тем, что “народ” – это социальный организм, это общественное явление, это явление, продленное во времени. Ему нравится определение народа, данное во времена Французской революции XVIII века ее известным пропагандистом В. Гурье (работа которого в начале XX в. была переведена в России): народ – это коллектив индивидов, поставленных “друг к другу в различные отношения и связанных различными способами”, коллектив, отличный от других. Но в итоге он считает для сегодняшнего дня адекватным определение К. Маркса: народ – это отдельное общество, которое “не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу” (т. 46. – Ч. I. – с. 214; у автора – с. 117).

Мне представляется, что для целей выявления субъекта прав народов эти определения весьма недостаточны. Ибо в таком случае “народом” окажутся любые коллективы, защищаемые ныне международным правом, – и беженцы, и меньшинства, и трудящиеся-мигранты, и женщины, и дети и т.п. Я придерживаюсь того определения, которое дал в своем проекте Всеобщей декларации прав народов (Международное право в современном мире. – М., 1991. – С.85): народ – это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, отличающаяся от остальных единым (но не единственным) языком, относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также общим самосознанием своего единства и фиксированным самоназванием, объединенная единой целью существования и прогресса независимо от уровня своего развития, расы, вероисповедания.

Автор справедливо усматривает двусмысленность юридического статуса прав народов в позитивном международном праве, по которому “права народов есть мера мера должного поведения государств и иных субъектов международного права в конкретных ситуациях, вызванных к жизни содержащимися в правах народов обстоятельствами” (с. 140). В то же время при естественно-правовом подходе к современному положению мира – в том, что автор называет “общим правом народов” (с. 140), – народы явно выступают самостоятельными субъектами. Корень такой двусмысленности состоит в том, что уже уходящий в историю этатизм все еще господствует в международном правотворчестве. Госбюрократия, выступающая

в этом процессе как единственный автор, диктует то, что ей выгодно, или в лучшем случае то, как она сама видит потребности народов.

Мартыненко оптимистичен, когда, подводя итог, пишет: "Несмотря на то скромное место, которое занимают права народов в современном позитивном международном праве, они охватывают практически все сферы жизнедеятельности человечества. И уже одно это говорит об их особой роли в системе современных международных отношений, а тем более в системе международного права" (с. 141).

В этой связи добавлю, что и в силу указанной роли прав народов, и по причине значимости ряда этих прав для самого существования их, а следовательно, и всего международного сообщества людей настало время, как это имеет место и в правах индивидов, выделить из числа прав народов свободы народов. Мне уже приводилось выделять некоторые в качестве таковых (**Права и свободы народов в современных источниках международного права (Сборник документов)**). – Вступительная статья. – Казань, 1993. – С. 8). К числу таких свобод, то есть от природы присущих неотъемлемых прав и поэтому находящихся вне вмешательства государства (государств), следовало бы отнести: право на существование, право на самоопределение, право на равенство с другими народами, право на развитие, право на неотъемлемый суверенитет над своими природными ресурсами и естественными богатствами, право на свою территорию. Они закреплены в "твердых" источниках современного международного права.

В завершение должен сказать: молодой украинский ученый внес существенный вклад в науку и литературу по международному праву стран СНГ – он заполнил нишу в научной проблематике и подробно рассмотрел права народов – новую нарождающуюся отрасль международного права XXI века, систему норм, регулирующих как статус и положение народов в мире, так и взаимоотношения государств и народов сегодня и в будущем.

Р.А. ТУЗМУХАМЕДОВ*,
доктор юридических наук,
профессор

* Редакция поздравляет профессора Р.А. Тузмухамедова, нашего постоянного автора, с высоким международным признанием. В марте 1994 года он стал первым представителем СНГ, который был удостоен "Награды за заслуги", врученной ему в Сеуле Президентом Ассоциации юристов стран Азии и Тихого океана (АПЛА) за "организаторские способности, умение и знания", проявленные Раисом Абдулхаквичем в "деле развития АПЛА".